

Сергей Прокофьев в кругу соучеников: об одной фотографии из фондов Музея истории Санкт-Петербургской консерватории

Дорогому, милому Александру Константиновичу

на добрую память от любящих и глубоко благодарных, за отеческое и сердечное
отношение, учащимся выпускного класса.
1908г.

Выпускники научных классов Петербургской консерватории, 1908 год.

Слева направо, 1-й ряд: Е. Бессонова, А. Шульзингер, И. Нодельман, Р. Осповат, К. Анисимова, В. Алперс.

2-й ряд: Л. Глаголева, Н. Попова, преподаватель истории А. П. Стасенков, преподаватель русского языка и литературы Н. В. Балаев, преподаватель Закона Божьего протоиерей Л. П. Петров, директор консерватории А. К. Глазунов, О. Абрамычева, помощник инспектора по научным классам Н. И. Абрамычев, А. Флиге, Е. Садовская, Е. Шварц.

3-й ряд: М. Пиастро, И. Гвирцман, К. Ваншейдт, А. Шмидт, Н. Вилик, С. Прокофьев, И. Добрженец, Л. Самарятинова

В музее истории Санкт-Петербургской консерватории хранится фотографическая карточка, сделанная ровно сто лет назад, 30 марта (по старому стилю) 1908 года¹. Большая групповая фотография учеников и преподавателей консерватории (37,5 x 23 см.) наклеена на светло-коричневый картон с дарственной надписью Глазунову на верхнем и нижнем полях: «Дорогому, милому Александру Константиновичу на добрую память от любящих и глубоко благодарных, за отеческое и сердечное отношение, учащихся выпускного класса. 1908 г.». На боковых полях ученики, расположенные на фотокарточке в три ряда,

подписали свои фамилии: Н[адежда] Попов[а], И[лья] Добрженец, Л[еонида] Глаголева, К[онстантин] Ваншейдт, Л[идия] Самарянова, Е[вгения] Безсонова, Р[ахиль] Осповат, А[лександр] Шмидт, [Илья] Гвирцман, Пиастро II — [Михаил] Пиастро, Виликс — [Нахман Вилик], С[ергей] Прокофьев, А[лександра] Шульзингер, В[ера] Алперс, О[льга] Абрамычева, А. Флиге, К[сения] Анисимова, Е[вгения] Садовская, [Ида] Нодельман, Е. [Шейна] Шварц. Среди подписей есть автограф выдающегося русского композитора Сергея Прокофьева, написанный твердым почерком, не лишённым выдумки. В букве «ф» к вертикальной черте

¹ Дата фотографирования установлена по Дневнику С. С. Прокофьева [2, 45]. Подлинная фотография из фондов Музея истории Санкт-Петербургской консерватории, принадлежавшая А. К. Глазунову, в настоящем издании воспроизводится впервые. Другой экземпляр фотографии, без надписей, из архива семьи Прокофьевых, опубликован в кн.: Прокофьев С. Дневник. Лица. — Париж, 2002. — С. 16–17.

вместо двух овалов по бокам добавлены две пересекающиеся линии². В середине второго ряда, на почетном месте в центре фотографии сидят педагоги: преподаватель истории А. П. Стасенков, преподаватель русского языка и литературы Н. В. Балаев, помощник инспектора по научным классам Н. И. Абрамычев, преподаватель Закона Божьего протоиерей Л. П. Петров, директор Петербургской консерватории А. К. Глазунов.

Это одна из многих подобных фотографий выпускников, снявшихся с любимым всеми директором консерватории. Интересна она тем, что выдающийся выпускник консерватории — С. С. Прокофьев — запечатлен на ней в непривычном для нас окружении соучеников по так называемым научным классам, то есть общеобразовательным предметам. Столетний «юбилей» фотографии и 55-летняя годовщина смерти Прокофьева послужили поводом для того, чтобы ближе рассмотреть этот круг общения юного композитора.

«Научные классы» Петербургской консерватории начала века должны были посещать не все ученики. Абитуриенты, поступающие в консерваторию, имели различный уровень общего образования, и в зависимости от их подготовки, их принимали в один из шести научных классов или освобождали от общеобразовательных предметов совсем. Сергей Прокофьев, будучи зачисленным при поступлении в консерваторию в третий научный класс, присоединился к своей группе только в шестом классе, в сентябре 1907 года. Так получилось из-за накладок в расписании занятий и в связи с желанием родителей дать сыну хорошее общее образование дома. Поэтому в течение трех первых лет домашние уроки не прекращались для Сергея даже летом, а осенью он сдавал «научные экзамены» в консерватории. Выпускной шестой класс, по совету инспектора Русинова, следовало пройти с группой.

Сергей Прокофьев, круг общения которого до сих пор составляли родственники и взрослые соученики по классу композиции, быстро нашел положительнее стороны этой перемены и отметил их в дневнике: «...Перспектива будущего свободного лета — это очень большой выигрыш <...>. Придется мне познакомиться со всем шестым классом наших учениц...» [1, 17].

Занятия «научными» предметами проходили пять дней в неделю: во вторник, среду и пятницу по два часа, в понедельник и четверг — по три часа. Ученики изучали историю, физику, русский язык и всеобщую литературу³. В классе, где учился Прокофьев, было шесть⁴ учеников и семнадцать учениц. Во время занятий ученики и ученицы сидели за разными партами. Соседом Сергея Прокофьева по парте был Константин Ваншейдт, охарактеризованный им в дневнике так: «...Как будто, если бы не излишняя серьезность, милый малый, на шестнадцать месяцев старше меня» [2, 19]. Другие ученики описаны в Автобиографии: «Из молодых людей поблизости от меня сидел Гвирцман, скрипач, красивый юноша с волнистыми волосами, ничем другим, по-видимому, не отличавшийся, но

девчонкам он нравился: словом, это был лев местного значения. Рядом с ним Миша Пиастро <...>. Это был толстый круглоголовый юноша, силуэтом напоминавший мне шахматную пешку <...>. Пиастро был добродушен, румян и здоров...» [1, 431–432]. Однако с учениками дружба не складывалась. Став учеником научных классов после добротного домашнего образования под пристальным контролем отца, Прокофьев первое время относился к другим «научникам» свысока. 28 сентября он записал в своем Дневнике: «В моем стойле (как я называю научный класс) все по-старому. Ученики мне не нравятся; по возможности их избегаю. Ученицы возбуждают странные, скучные чувства. <...> Идиотов в смысле науки не оберешься. Удивительный класс» [2, 21]. Амбиции Прокофьева, столь резко выражаемые им в начале года, со временем смягчились, и выражались лишь в том, что Прокофьев ревностно следил за «рейтингом» успеваемости. И здесь ему было чем гордиться. На протяжении всего учебного года он был одним из лучших учеников, а выпускные экзамены из научных классов сдал на отлично по всем предметам. За одно из самых сложных испытаний для «научников», устный экзамен по русскому языку, комиссия поставила ему даже «5+», что для научных классов было чрезвычайной редкостью⁵. В Дневнике Прокофьев часто отмечал свое превосходство, причем сравнивал себя именно с учениками. Так, про итоги первой четверти он пишет: «Из учеников ни у кого лучших отметок нету» [2, 29]. После выпускного экзамена по физике он пишет: «Физику я ответил действительно блестяще и единственный получил пятерку» [2, 48], хотя в его классе была еще одна отличная оценка по физике — у ученицы Лидии Осиповой⁶.

Среди «научников» было немало активных, предприимчивых молодых людей и девушек. «Шумливый, непослушный класс» [2, 45] — отзывался об этой группе инспектор научных классов, М. Н. Русинов. Особенно выделялись скрипач Илья Гвирцман, пианистки Ида Нодельман и Флиге, активные участники общественной жизни консерватории (при этом они имели весьма посредственные успехи в учебе). Сергей Прокофьев держался в классе обособленно, «сдержанно, по-деловому», как он сам рассказывает в Автобиографии.

Первым поводом для «сближения» с одноклассниками стала подготовка к традиционному Новогоднему балу выпускников научных классов, которая началась уже в середине октября. Независимый характер нового ученика имел большой успех у учениц класса и именно Прокофьева общим голосованием выбрали в число учредителей (организаторов) Рождественского бала, а позже — ответственным за подготовку и проведение спектакля. Несомненно, драматическое чутье и театральный опыт Прокофьева, полученный им еще в детские годы в Сонцовке, оказались незаменимы для подготовки спектакля (который, впрочем, так и не состоялся).

² В Автобиографии С. С. Прокофьев рассказывает, что в этот период он уделял своему почерку особое внимание, стараясь выработать твердость и оригинальность. Одной из юношеских забав Прокофьева было изобретение нового написания букв. В более поздние годы, как известно, Прокофьев весьма оригинальным образом вел свой дневник, записывая лишь согласные буквы и пропуская гласные.

³ В Отчетах Русского музыкального общества указаны имена преподавателей по названным дисциплинам: Н. В. Балаев (русский язык и всеобщая литература), М. Н. Русинов (физика), А. С. Стасенков (история). Эти имена встречаются в Дневнике С. Прокофьева.

⁴ Количество приводим согласно записям в Дневнике С. Прокофьева и списку учеников в ведомостях отметок. (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 361. Оп. 13. Ед. хр. 37. Л. 36–49). В Автобиографии указано, что учеников было девять [1, 431].

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 13. Ед. хр. 37. Отметки учащихся научных классов за 1905–1910 годы. Л. 36.

⁶ Там же. Л. 48–49.

К ученицам научных классов Сергей Прокофьев был расположен гораздо больше, чем к ученикам, и со временем нашел среди них немало подруг, интересных собеседниц и свои первые симпатии.

Из семнадцати соучениц по научным классам в круг общения Сергея Прокофьева входили И. Нодельман, «очень умная, практически умная, энергичная и живая» [2, 89] и ее подруга Флиге; О. Абрамычева, дочь инспектора; Е. Бессонова, «вертушка, вечно куда-то несущаяся, строившая глазки и получающая двойки» и К. Анисимова, «маленького роста, шалунья, смазливая» [1, 431]. Особой симпатией Прокофьева пользовалась пианистка Леонида Глаголева, красивая, умная, музыкально одаренная, живая и яркая барышня. Еще в начале года Прокофьев заметил ее среди других учениц. «А из учениц, — записано в Дневнике, — мне больше других нравится Глаголева — уж не говоря, что красивая, говорят, что очень способная, и еще эта милая манера разговаривать; она меня уже давно заинтересовала» [2, 25].

Совсем другой была Вера Алперс, тоже пианистка по специальности — «...Молодая девушка со стройной фигурой, но бесцветным лицом, как бы от рождения поблекшим» [1, 453]. Прокофьев подружился с Верой не сразу. Записи о ней в Дневнике появляются только с февраля — то есть полгода спустя после знакомства. Прокофьев оценил лучшие качества этой девушки — глубокую порядочность, доброту, мягкость. «У Верочки дивный характер. Такой характер редко встретишь. Несмотря на всю мою нервозность, иногда на мою небрежность по отношению к ней <...> — никогда она на меня не рассердилась, никогда не было ни тени неудовольствия, никогда не сделала мне самого маленького упрека» [2, 72]. Кроме того, Вера была из музыкальной семьи (ее отец был композитором — любителем), имеющей широкие музыкальные связи. Это обстоятельство также очень импонировало Прокофьеву и он часто бывал у Алперсов⁷. Темпераментному Прокофьеву иногда непросто было выдержать ровный, спокойный и скромный характер Веры. В Дневнике есть даже такая запись: «Она, конечно, мила, но все-таки ровно ничего из себя не представляет и мне начинает надоедать» [2, 61]. Тем не менее, именно Вера Алперс стала верным другом Прокофьева на всю жизнь. Вера работала педагогом по фортепиано в музыкальных школах Ленинграда и по ее просьбе в 1935 году С. С. Прокофьев написал сборник фортепианных пьес «Детская музыка».

Учитывая большую занятость Сергея Прокофьева собственным творчеством, учебными занятиями по классам композиции, фортепиано и дирижирования, можно только удивляться, как Прокофьев находил время для общения с соучениками? Долгие разговоры в коридорах консерватории и по телефону, переписка и обмен открытками (нередко шуточного содержания), совместные прогулки с друзьями по Петербургу и по пути из консерватории домой, прием гостей и от-

ветные визиты — все это было в жизни юного Прокофьева в изобилии. Сергея Прокофьева привлекало общение с яркими, активными людьми, участие в оживленных беседах, спорах, розыгрышах. Одной из главных тем этого общения была, конечно, музыка. Ученики научных классов часто встречались на концертах и в оперном театре, ходили друг к другу на экзамены по специальности, участвовали в совместных концертах, играли в четыре руки. В беседах о музыке музыкальный кругозор и образованность юного композитора не раз восхищали его соучеников и привлекали к нему за советом и помощью. В свою очередь, сам Прокофьев очень ценил в своих собеседниках музыкальную одаренность и образованность, и при выборе друзей непременно учитывал эти качества. Даже для симпатичных учениц научных классов он не делал исключения и оценивал их всегда критично. Так, например, при всем блеске Л. Глаголевой, Прокофьев разочаровался в ней после ее неудачного выступления в концерте.

Рассматриваемая фотография была снята вскоре после окончания учебных занятий, подведения оценок за четверти и накануне выпускных экзаменов. В этот день в дневнике появилась запись: «Сегодня шестой класс снимался на деньги, оставшиеся после бала второго января. Хотя фотограф Флиге снял нас тогда с магнием так хорошо, что никто не получил даже фотографии, тем не менее отправлялись опять в эту фотографию. Я бы предпочел сняться одним классом и сильно на этом настаивал. Но все-таки пригласили и Глазунова, <...> и всех наших учителей, и даже бывших учителей. Посмотрим, как это выйдет» [2, 45]. Снимок вышел очень хорошо. На нем мы видим лица людей, которые были близкими друзьями или собеседниками будущего великого композитора. В первом ряду сидят милые барышни в нарядных платьях, красиво причесанные. Среди них — и добрая, тихая Вера Алперс, и заводная Евгения Бессонова, и элегантная Леонида Глаголева, которую Прокофьев звал сокращенно «Лесечка». Изображение Сергея Прокофьева долго искать на снимке не приходится. Он стоит в третьем ряду, на месте, наверное, самом почетном для ученика — за А. К. Глазуновым, непринужденно положив руку на спинку кресла, в котором сидит директор. Прямой, умный, понимающий взгляд Прокофьева притягивает наше внимание, и кажется, будто он живой смотрит с фотографии, всегда готовый к интересному общению, и ждущий от нас взаимного внимания, понимания и поддержки.

Список литературы

1. **Прокофьев С. С.** Автобиография. — М.: Советский композитор, 1973.
2. **Прокофьев С. С.** Дневник: 1907–1933. Часть первая (1907–1918). — Париж, 2002.

⁷ Именно через Веру Алперс Сергей Прокофьев познакомился с Максимилианом Шмидтгофом, впоследствии ставшим его близким другом и адресатом посвящения Второго фортепианного концерта.